

Лучшая театральная должность – это зритель

У меня в городе Москве есть любимый москвич. Зовут его Борис Гаврилович Голубовский. Я бы о нем сказал так: уже немолод, но все еще юн! Ему 85 лет.

Весьма преуспевающий джентльмен: народный артист России, лауреат Государственной премии, профессор и прочая и прочая, включая орден и студентов РАТИ – театральной академии. Был главным режиссером столичного ТЮЗа, Театра имени Гоголя. На девятом десятке лет создал в Сургуте драматический театр. Для чего регулярно добирался из Москвы в Сибирь с помощью палки (ходить уже при навалившихся хворобах трудно), ну и с помощью самолета, конечно, так быстрее. Вот столько заслуг пред Отечеством.

У меня же есть повод и для личных восхищений: этот почтенный профессор – самый веселый и остроумный человек среди известных мне людей. А уж рассказчик! Поразительно подробная у него память – что про тридцатые годы, что про нынешние. Он про театр знает все, он в этом деле энциклопедист. Но “про все” вы можете прочитать в книгах. Борис же Гаврилович столько такого знает, о чем, как говорится, в книгах не пишут. Вот и воспользуемся его очаровательным чувством юмора. Он мне как-то оказал: “Юмор – это признак силы”.

– Борис Гаврилович, а не мешало чувство юмора в серьезной работе режиссера?

– Не только мне не мешало. Великий английский режиссер Гордон Крэг сказал: “Даже трагедию надо репетировать весело”. Мне это не всегда удавалось.

Как-то в присутствии Михоэлса я шикарно процитировал Шолом-Алейхема: “Смех – это лучший доктор”. Соломон Михайлович вздохнул: “Боря, вы не закончили фразу, там дальше: Но горе тому человеку, который вынужден обращаться за помощью к врачу”. Что тоже иной раз верно.

– Существуют прекрасные персонажи для режиссерского юмора – беззащитные артисты. Они же всегда были вашими подневольными подчиненными.

– Есть еще более подходящие, как вы выразились, персонажи. И как раз не подчиненные, а начальники.

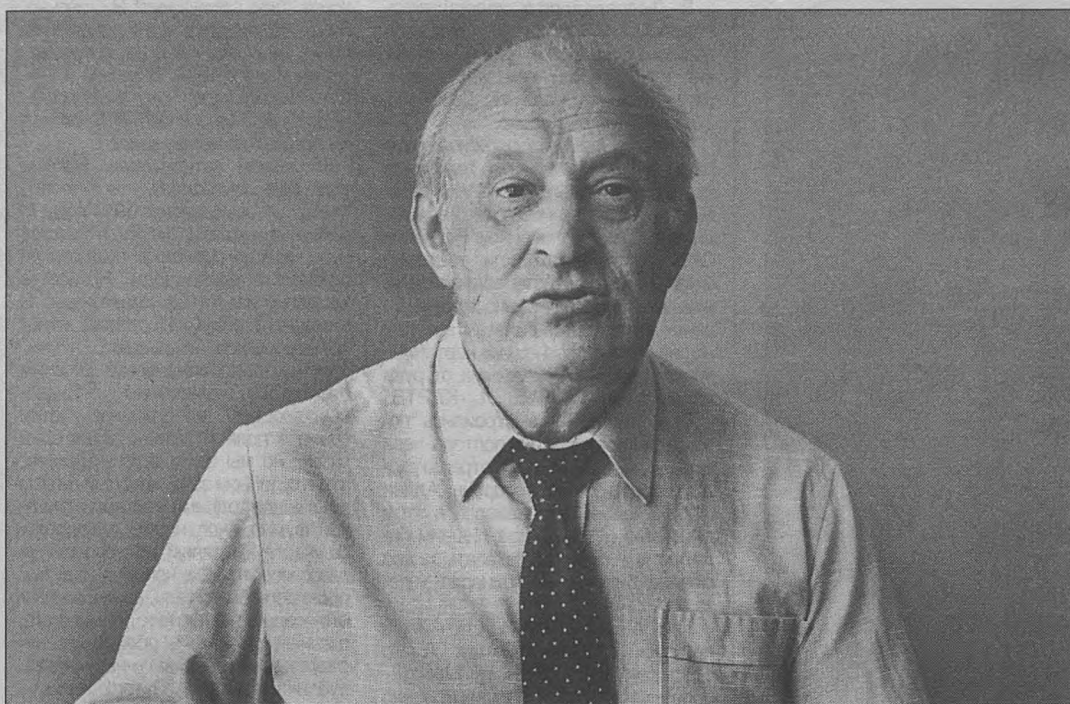
Во МХАТе приготовили спектакль “Залп “Авроры”. Управление театров Министерства культуры не хотело выпустить этот спектакль, ему хотелось, чтобы “Залп “Авроры” прогремел еще намного более идеологически.

А министром культуры был геройский руководитель партизан в годы войны Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Геройский министр культуры внимательно выслушал своих подчиненных. Задумался. “А кто директор театра?” – “Алла Константиновна Тарасова”. – “А кто она?” – “Народная артистка СССР”. – “Член партии?” – “Конечно!”. – “А кто поставил спектакль?” – “Михаил Николаевич Кедров”. – “Член партии?” – “Конечно!”. Пантелеймон Кондратьевич мрачно разглядел подчиненных и грозно сказал: “Так что же, вы считаете, что члены партии не понимают, может пойти спектакль или нет?” И спектакль пошел! Как-то не верится, что П. Пономаренко ничего не слышал про артистку Тарасову. Едва ли. Но в данном случае его вера в партию сильно пригодились театральному искусству.

Бывало хуже. В давние годы председателем Комитета по делам искусств в Грузии пребывал какой-то Гюга. Уж чего только уморительного не рассказывали мне о нем грузинские актеры.

Как-то товарищ Гюга присутствовал в Москве на концерте всемирно известного Квартета им. Бородин. Квартет ему понравился: “Хороший квартет, – похвалил он потом его своим соратникам, – только мало музыкантов. Давайте сделаем квартет человек на тридцать. Что ж, у нас в республике музыкантов не найдется?”

Помню, у меня в ТЮЗе был директор Сергеев. Довел до слез машинистку, требуя, чтобы она напечатала не ассамблея, а правильно – “ансамбль”. “Надо понимать же политическое значение слова “ансамбль”, то есть коллектив!” Он и мне многое не мог втемлять, все бежал в райком партии, жаловался. Ну его, спасибо, куда-то повысили.

Б. Голубовский

– Так он же для начальства старался, вот оно его и повышало.

– И очень старался! Многие тогда старались. Чиновник из Министерства культуры бдително спросил у меня на обсуждении “Декамерона”: “Где происходит развратное действие?” – “В Италии!”. – “Понятно”.

А я, в свою очередь, у него спросил: “Почему нам запрещена к постановке пьеса Эрдмана “Самобийца”? И вообще, что это за список запрещенных пьес?” Он мне холодно объяснил: “Нет никакого списка запрещенных пьес, есть рекомендательный список”. Такая вот руководящая тонкость.

– Борис Гаврилович, а вам не кажется, что иной раз приходилось иметь дело просто с дураками?

– Если бы только с ними, дураков-то как раз удавалось облапошить. С умной номенклатурой было потруднее.

Председатель Радиокomiteта Алексей Александрович Лузин принимал развлекательную, но не без сатиричности программу.

Хотел до слез! Потом доверительно обратился к знаменитому актеру, замечательному режиссеру Осипу Наумовичу Абдулову: “Вы запомнили места, где я смеялся?” – “Конечно, Алексей Владимирович! – обрадовался Абдулов”. – “Вырежьте их”. Что и было сделано.

Однако подобных образованных и умных руководителей было по пальцам пересчитать. Помнится, мы в Театре имени Гоголя поставили пьесу по роману Юрия Германа “Я отвечаю за все” – про чекистов. Принимали спектакль люди, соответственно, в синих погонах. Генерал-лейтенант, видимо, по служебной привычке, еще до начала спектакля стал меня с пристрастием допрашивать: “Вы спектакль ставите?” Я признался. “А скажите, вы роман читали?” – продолжал он допрос. Я опять генералу во всем признался, честно сказал: “Читал”. По сей день считаю сей ответ моей самой язвительной остротой.

– Ну генерал не обязан вникать во все ваши театральные тонкости. Он просто хотел выяснить: читали ли вы роман, по которому поставили спектакль? Это же действительно существенно.

– Генерал-лейтенант не обязан. Но помнится, я спросил у министра культуры союзной республики: “Странно у вас деятели искусств выражаются: “Кино-мино”, “колхоз-малхоз”. Может, они шутят?” И получил от министра культуры озабоченный ответ: “Культурно-мультуры не хватает”. Впрочем, у каждого своя специфика.

В Кронштадт ленинградский театр привез для моряков спектакль “Гроза”. Содержание, надеюсь, вы помните. Реакция зала меня совершенно ошеломила. Катерину, луч, так сказать, света в темном царстве, моряки встречали оглушительным свистом, а Кабаниху, реакционерку и домохозянку, – бурными овациями. Я понимал, часть публики выпимши, но все-таки весьма как-то странно.

И что выяснилось? В те годы драматический театр на флоте пять лет, дома у них оставались жены, невесты. Пригляд же за ними нужен! Вот они

бдительной Кабанихой благодарно и восхищались, а замужней изменницей Катериной – сами понимаете.

– Борис Гаврилович, какой-то вы язвительный. Или так уж сильно театр допек?

– За 66 лет работы в театре даже ангела допекут. Но в жизни театров есть очаровательная радость – дети! Вот уж это зрители так зрители! Такая открытость души, такая распахнутость глаз! Ну верные люди! В далекие годы молоденький Михаил Иванович Жаров поставил в ТЮЗе сказку для самых маленьких. Там на славных, симпатичных селян напали полчища врагов. Молодой режиссер расстарался вовсю: солнце заволакивало тучами, избы горели в багровом пожарище, враги – в ужасающих шкурах, лица намазаны светящимся фосфором. Но главной находкой режиссера было вот что: лохматые захватчики, размахивая дубинами, зловеще двинулись по сцене в зал, вот-вот ринутся в партер... Но тут опускается занавес, зажигается свет. Антракт!

Зажигается, значит, свет. А в партере – мертвая тишина. Я бы даже сказал, что в партере никого нет. Детишки забили под кресла и в ужасе замерли там, спасаясь от иноземного ига.

Страшный спектакль пришлось снять с репертуара. Особенно настаивали на этом уборщицы. Малышня все свои ужасы помечала прямо под креслами – с перепугу. Все дело в вере и искренности. У нас в ТЮЗе шел замечательный спектакль “Три мушкетера”. Сел в зале, сел, с удовольствием смотрю. А рядом со мною – конопатенький мальчонка лет двенадцати. Он не смеялся, не восторгался, не аплодировал. Сидел сосредоточенно – весь в себе. И вот мушкетеры и палач города Бетона выводят на казнь гадкую миледи. И тут мой сосед сказал негромко, но внятно: “У-у-у б...!”

– Что это вы мне такие антипедогогические истории рассказываете!

– То ли еще бывает! Представляет, в грим-уборную выдающегося актера, интеллигентнейшего, деликатнейшего Николая Симонова врывается, правда, уже не совсем ребенок, а парног в каком-то сомнительном ватнике, с внятным запихом перегара. И восторженно вопит: “Товарищ Симонов, а ведь вы меня в ж... целовали!” Всеми обожаемый, уже пожилой артист обомлел: “Опомнитесь, молодой человек!” – “Да, целовали, целовали!”

А ведь и впрямь, Симонов, то бишь Петр I, в одноименном фильме, счастливый рождением наследника, поднимает ребенка высоко для всеобщего обозрения и смачно целует его в попку. Что было, то было! Бывший “новорожденный” из фильма и заявился к “папе” в грим-уборную тата. Растут дети!

– Вырастают и поступают в театральные училища, верно ведь, профессор?

– Не поступают, а валом валят. Хотят, чтобы ими любовались: у одной – ноги, у другой – грудь, у третьей – глаза, а то, отдадим должное, и все

вместе взятое. Дурнушек на вступительных экзаменах редко увидишь. А ведь именно среди них обнаруживается удивительная характеристика, выразительность. Их дар сюда приводит, а не девичье кокетство.

Знакомство с абитуриентами – это медленная, долгая пытка.

Им ведь несть числа, к тому же многовато невежественных, глуповатых – и по молодости, и, так сказать, по природным ресурсам.

Вы думаете, как, например, звали лошадь Дон Кихота? На собеседовании я узнал, что ее, оказывается, звали “Сервантес”. А какая птичка изображена на занавесе МХАТа? На всю жизнь запомнил этого долговязого юношу с окраины Иркутска. Он посмотрел на меня и осторожно предположил: “Страус?”

– Как я догадываюсь, все ваши нежности преданы старым актерам?

– И вопроса нет! Как я их боготворил, как обожал, “стариков” моей молодости, в общем-то, сверстников меня нынешнего. Какие яркие среди них встречались личности.

Давным-давно мне предложили в Саратовском театре поставить “Надежду Дурову”. Ну ничего не получалось, труппа и в грош не ставила молоденького режиссера. Тогда премьер театра, маститый Иван Артемович Слонов мне сказал: “Значит, так, завтра я опоздаю, ты меня на репетицию не допустишь, прогонишь. Постарайся с треском прогнать”.

Ночь я не спал. На следующее утро заявляюсь на репетицию, опоздав минут на двадцать, Иван Артемович – весь в элегантном банте, с тростью, благоухающий духами. Я, обливаясь холодным потом, не допускаю его на репетицию, по мере сил “с треском”. Слонов поблагодарил: “Молодой человек, не забываетесь! Я – Слонов!” Актеры принялись насмешливо меня разглядывать, словенно удивляясь – а это еще что за насекомое? Длинная, мучительная пауза. И вдруг Иван Артемович низко склоняет голову и тихо говорит: “Обидели старика. Но пред искусством вы правы! Простите меня!” И покорно покидает репетиционный зал.

В гробовой тишине я сказал: “Ну, продолжайте репетицию!” Актеры завопили: “Да, да, конечно, Борис Гаврилович!” Заметьте, меня впервые в моей жизни повеличали Борисом Гавриловичем. Ах, дорогой мой, незабвенный Иван Артемович!

В Ленинграде был прекрасный Владимир Николаевич Соловьев, человек огромной культуры, соратник Мейерхольда. Но до чего же был наивен и беспомощен в житейских делах. Однажды ему предложили поставить спектакль в академическом театре. Друзья, зная его неведение в материальных вопросах, вдолбили ему: “Меньше, чем за две тысячи рублей ни в коем случае не соглашайся”. И вот он пришел к директору театра, очень четко запомнив приказанную ему сумму... Директор начинает хныкать, жаловаться на трудности с финансами и робко предлагает... три тысячи рублей.

Владимир Николаевич разгневанно вскинул прекрасной лепки голову,

всплеснул руками, изображая негодование, и гордо воскликнул, обрушив на директора заученную “роль”:

– Две тысячи, и ни копейки меньше!

– Как-то у вас все пасторально получается. Все какие-то милые дедушки. Уж актерам в лукавстве не откажешь!

– Да уж, не откажешь!

Семен Соломонович Самодур был любимым режиссером и актером Сергея Владимировича Образцова. Сколько же в нем было веселья и лукавства! И замечен был в том с младых ногтей.

Пришел наниматься актером к Образцову. Надо сказать, с дикцией у Семена были сложности, а букву “л” он вообще не выговаривал. Однако мэтру, что неудивительно, парень приглянулся. Сергей Владимирович великодушно посоветовал летом поработать над буквой “л”, а осенью, дескать, милости просим, будем рады. Все лето Семен старательно трудился на пляжах Черного моря, но, как вы догадываетесь, отнюдь не над дикцией. Там он вполне обходился без буквы “л”.

Осенью мэтр встретил Семена приветливо и ласково сказал: “Ну покажите нам, голубчик, как у нас с буквой дела?” Удалой Семен прекрасно понимал, что рассеянный мэтр даже примерно не помнит, о какой именно букве шла речь. И Сеня гранул: “Метр-р-ро... кор-р-рова... тр-р-рикотаж!” Сергей Владимирович весь просиял: “Ну вот, видите, голубчик, как теперь все хорошо!”

Любопытно, что впоследствии Образцов никакого отсутствия у Семена буквы “л” не замечал.

Находчивость в искусстве – важный компонент. Актер престижного театра всю жизнь играл роли практически без текста. Ну в крайнем случае – “кушать подано”. И вдруг в спектакле “Отелло” ему поручают изобразить посла сената в Венеции. Тоже, впрочем, не разговаривая, всего одна фраза: “Слова тут ни к чему!” Но все-таки, знаете ли, посол сената в Венеции, да и произносится фраза в самой кульминации спектакля: посол приходит, а все убиты. В общем, трагедийная роль.

В день дебюта взволнованный артист явился в театр за час до начала спектакля, загримировался, надел костюм, нервно повторял про себя роль.

И вот финал! Отелло у ног убитой Дездемоны, Яго и Эмилия тоже убиты. Нормальный шекспировский кошмар. И наш посол, видимо, от эмоционального перегруза, пукнул. Не сказать, что было слышно на галерке, но довольно внятно выразил нахлынувшие чувства. Представьте, что было с “мертвецами” на сцене? Так ко всему этому посол еще находчиво добавляет порученный ему текст: “Слова тут ни к чему!” И впрямь, зачем еще и слова?

– Ну а нынче как на Театре? Все, кто мог в “сериалы” устроились. В театрах нынче, видать, дисциплина и порядок, все с готовностью в рот режиссеру смотрят – не прикажет ли чего?

– Да как сказать! Недавно мой коллега предложил роль свеженького корифея. Его отговаривали: “Не связывайся, он упрям и амбициозен”. Режиссер не прислушался. Однако репетиции пошли самым прекрасным образом, актер послушно со всем соглашался, принимал режиссерские предложения беспрекословно.

И вот премьера! Режиссер в предвкушении сидит в зале, на сцене появляется его покладистый актер... Даже намека нет на режиссерские решения, и следов не видно режиссерских задумок. То есть шпарит актер по каким-то своим разумениям.

В антракте режиссер возмущенно мчит за кулисы: “Что вы делаете? Вы губите спектакль!”

Молодой актер обнимает пожилого режиссера за плечи и ласково говорит: “Когда вы репетировали, я же не мешал вам работать”.

– Борис Гаврилович, если бы вы не стали режиссером, кем бы хотели в театре быть?

– Тут и вопроса нет! Самая лучшая должность в театре – зритель! Вся жизнь завидую.

Беседу вел
Эдуард ГРАФОВ